

ЗАОНЕЖСКИЕ БАЙКИ

СЛОВО – ОЛОВО

Мы с сестрией – устьяндомские. Ей первой за мужика попасть выпало. Сидим этто раз у окна. Она с прялкой, а я рядышком. Без дела сидючи вот и выглядела.

Ляй, – говорю сестрин, – к тебе жених едет. Она мне: «За такого черного не пойду!»

А мужик уж в сени ломится. Снег с шапки стряхнул и в избу, к отцу.

Не продашь ли, хозяин, телку?

Да вроде не ко времени, – отвечает ему отец.

Не о том торг: мне двуногую наб.

Отец молчит, сумлеается. Не хотелось, видать, за этого шимоволосика девку отдавать.

Про себя думает: «Запрошу подороже, может, и отстанет».

– Меньше, чем за сто рублей, не отдам.

Мужик этто роспахня подол лисьей шубы (полесовщик, по-нынешнему, охотник оказался) и подает сотенную.

Что тут отцу делать? Слово – олово.

Попала сестрия по другу сторону заонежской мандеры – В Вегоруксу.

Не раз поплакала потом. А мужик все, бывало, с подковырочкой:

– Ну что пригорюнилась, сторублевая?

Правду сказать, жили справно. Охотник был зловутный: лис, белок таскал. Деньжонки в доме водились. С горюшком пополам.

**ПРО ИВАШКУ РЕБОВА,
СЛЕД РЫЖИЙ
ДА ПРО ВОДЫ МАРЦИАЛЬНЫЕ**

Ивашка Ребоев, сказывают, пронырлив был, как лиса. Про то и фамилия евонна: по-корельски лиса и будет ребой! Он ведь, Ивашка, воду-то целебну сыскал.

А было так. Жили в деревушке одной забавны мужики: куды не ступят – везде след свой оставят. Но для начала о деревне. Звали, стало быть, ту деревенку Видасельга, хоть, впрочем, виду никакого: избенки серые да кобыленка пегая. Озеришка и того не было – до ближайшей Шитоламбы с полверсты будет, да и что про ламбу помнить, коль дерьмовой зовется.

Так вот, про след. Пришли как-то раз видасельгские мужики на Кончезерский медный завод. Живо так по цехам как туристы пробежали, но след свой оставили. А след-то, коли приглядеться, рыжий – аккурат как солнце налиму из-под льда осеннего видится. Тот след на пабедье увидали два иноземных мастера, что на заводе весь порядок вели. Видят – след знатный, особенный. Химика-бергаула кликнули точас. Тот, собака, орет: «Что за интереса?! Варум¹ беспокоить – видно и на глаз, что не медь. У нас же, господа, медное производство!» Но мастера не унимаются, все спрашивают: «Ты скажи, херр Алфред, что же это?!» Херр Алфред им в ответ: «Анализ кемический делать придется»... – «Так сделай!»

Сделали штудию следа. Оказалось – руда железная. Вот, баженные, что было на сапожищах видасельгских принесено! На друго утро снарядили целу команду для проверки следа: херр Алфред, херр Валтер да Ивашка Ребоев в придачу. Вот понакнулись к Видасельге. Лошаденка ихня прямохонько через Мартнаволоцку тайболу, аккурат мимо домишка мастера Циммермана пробежала. Как токо бабы видасельгски увидали обоз с иноземцами, кряду сарафаны одели новехоньки. А Ивашка им по-корельски рычит с возу: «Не вас, не вас, дуры, смотреть приехано, а руду на болотишке!» Бабы враз скуксились, по фатерам попрятались. А Ивашка по натуре – оторви да брось, первым на болото кинулся (видать, умнее инженеров показаться решил), да от своей прыти и ухнул в лужу, что опосля родником оказалась. Орет он оттуль по матушке, мол, спасайте, товарищи немцы, славного корела! А что немцам мужика вызволять? Думают про себя: утонет – дак другой найдется. Оны, этто, руды комья на дровенки кинули да уехали до Кончезера. А Ваня, который Ребоев, сумел вдоволь набарахтаться да водицы болотной испить. Но Бог милостив. До той поры ведь животом мужик тужил, а тут вскорости чует – полегчало. Зараз вспомнил и про то, как голандец Вилюша Генин на завод приезжал да все талдычил, что вы, мол, нехристи, не токо руду всяку ищите, но также и воду, что пользу решительно приносит. Смекнул Ивашка, где фарт скрывается, побежал к избы, что справнее прочих казалась, с крыльца заголосил: «Эй, хозяин, тащи паппери, то бишь бумагу, да пиши со слов моих!» Но не тут-то было. У хозяина здешнего не то что паппери, но и воды о сенокосье не выпросишь. Решил тут бежать Ивашка на Кончезеро. Место все ж культурное. Поп Амвросий сумел помочь: расписал честь по чести Ивашкин подвиг. А Ивашка-то ему бает: «Как разбогатею, Амвросьюшко, выхлопочу тебе медаль медну». (Правда сказать, в той местности других и не делали.) Амвросий чуть ли не в слезы: «Почто мне, кореляк леший, медаль, да еще медиа? Ты лучше с будущего талану своего сапоги мне справь, а то на службу церковну не в чем скоро капсить буде!» Ударили

¹ Warum (нем.) — зачем, почему.

по рукам.

А дале вот что было. Генин, антихрист немецкого звания, депешу Петру амператору послал. Расписал эдак: вот открыл, что сулил. Петр с радости великой хотел Генину орден с лентой дать, да тотчас скумекал: зачем это немцу голанскому орден – медальоном с каменьями обойдется. Тогда ведь бежитерии не знали, а то бы амператор Генину медальонишко со стекляшками дал. Все дешевле. Но главно дело – про Ивашку-то никто и не вспомнил. Вспылил, разгневался через время Ивашка, который Ребоев, подумывал даже в Европу жаловаться, но о ту пору трибуналу Гагского не знали, – кому пожалуешься? Стало быть, Ивашка опять к попу. Амвросий серукопию сделал и послал в Питербурх с херром Алфредом, отбывавшим в стольный град по казенной надобности. И что забавно: немец антихрист, а ведь довез прошение Ивашкино до Петра! Петр как раз о то утро декрет о совести придворной сочинял. Прочитал письмишко, челобитную из Корелы дикой, и сконфузился, смуглой личиной погрузнел. Вызвал писаря, приказал в бумаге: Ивашку-корелянина по титулу отметить, с заводов медных и прочих ослободить и к тому же обельным крестьянином определить. А у Генина в знак утаивания Ивашкина приоритета в открытии вод марцинальных с медальона два камушка снять, да и в казну вернуть. Пусть херр Генин помнит Петрову натуру!

Ну а Ивашка с той поры возгордился не в меру. Ходит гоголем, про сапоги для попа Амвросия даже не вспоминает, токо кичится амператорской росписью поверх поповского письма. С эдакой радости, что случилась с ним, Ивашка ретиво за дела многие взялся. Раз надумал в бутылки стеклянны, которы у инженеров иноземных оногды клянчил, воду целебну разливать. В думках своих уже видел, небось, эдакий Вассербетриб² о край болота. Да не поладилось дело с водицей: след она все рыжий, проклятуций, на стекле оставляла. Показал в отчаяньи херру Людвигу, что заместо херра Алфреда прибыл, но тот токо голловенкой вскинулся и прошипел: «Даст ист шлехт! Плохо, Иван, не пойдет сие на европейский штандарт».

А Ивашка, прямо сказать, не долго горевал. В нову авантюру сподобился: веники взялся вязать, как токо прознал, что царь Петр едет отдыхать на видасельгское болото. Но Петр до здешних баен оказался не охоч, так что пришлось Ивашке отвезти товар свой липовый попу Амвросию, чтобы тот ипохондрию свою, полученную от неполученных сапогов, в баенке черной на полке лечил. Достоиню Ивашка сделал. Поп покладистый был – тем ребоевским веникам, как дарам пасхальным, обрадовался.

² Вассербетриб (*нем.*) — водное предприятие.

Ну что же, приехал на новый курорт в Видасельгу амператор Петр, который первый, разумеется (вторые и третьи сюды отродясь не езживали). Два денька во дворце новом понежился, а на третий день выбрался из покоев прогуляться вдоль болота. Тут Ивашка и подвернулся. Эдак на немецкий манер головенкой качнул, что к ряду Петр его и заприметил. Рывкнул царь по-амператорски: «Кто таков?! Почто без дела?!» Но Ивашка духом не пал, отвечает царю ровно: «Вы как-то, Ваше амператорское личество, меня сразу не узнали. Так вот, Ивашка Ребоев я, первостатейный открыватель оных вод целебных, к коим Вы, Ваше амператорское личество, знамо не равнодушны!» Тут Петр снова рывкнул: «А ты, раб Божий, к чему не равнодушен? А? Может анисовую оприходуем на троих? Вот и каналья Бутурлин сюда заворачивает!»

Ну так вот. После той анисовой Петр амператор с Ивашкой Ребоевым до самого дворца в обнимку шли. Может, и зря. От той обнимки остался на зеленом царском сукне след рыжий. Боле Петр с Ивашкой в обнимку не хаживал. Но Ивашке Ребоеву и одного раза было достаточно для радости великой. Многи годы потом рассказывал робятам своим, как хаживал с царем в обнимку, но про пятно рыжее ни разу отчего-то не вспомнил.

ГОСУДАРЕВА ОБИДА

А вой-вой! Девка, ты пошто линду-то на стол ставишь – кашу наб погуще варить.

Нет у вас, молодых, кехтанья к делу, а коли нет, то неоткуль и взяться. Не хнычь, брось веньгать, а учись: знанье – не кошель – не за плечами носить. Сядь да послушай, чего стара бабка тяби порасскаже.

В досюльне время царь Петр по Онегу в лайбы али в гальете справлялся. Уж гораздо от Повенца по поветери проплыли, как кормщик царев в берег свернул.

У Петра Первого, сказывали, замыслено было завод оружейнай в Кузаранды ставить. Причалили, а кузарана стоят живой изгородой, совсем онемели – то ли от радости, то ли от страха. Дивится Петр тока: никого не нашлось царя приветить, никто оземь поклона не бьет. Царь Петр не гордай был, весело эдак крикнул: – Здорово, люди добры!

На ночлег отрядили ему избу покраше. Вечеринкой хозяева детей к своителям выпроводили, а сами ночь не спят. Большуха думает: «Чем царя с утра потчевать?»

Царь с солнышком встал, рукомойник кренит да лыбится. А у хозяйки скатереть белая на стол постелена. А что заонежана любят? Жидко тестице овсянно. Не зря нас везде тястенниками зовут. Вот старуха ставит миску с тестом, а другую с ягодамы. Царю угощение не по нраву пришло. Он волянками своими зыркнул да как заоре:

— Старуха, печь стоит, а хлеба испечь не сподобилась!

Выстал государь из-за стола да и спохнулся. Обиделся, видать, Петр тогда на кузаран, а завод в другом месте поставил.

ТРИ БЫЛИЦЫ ПРО ДЯДЮ ЭЙНО

Перед войной финнов в Заонежье много было. Одни в РИКе в Шуньге служили, другие трудились подневольно в Кижях на Оленьих. Оны там, на острове, барит да известь с земли добывали. Много людей сгинуло о ту пору на острове, много, ну а кто уцелел, старались в деревнях наших прижиться. Помню, в избы у бабки Стеши поселился финн, звали дядя Эйно. Немолодой уж был, но какой рукодельный: что печь сложить, что столярничать – все у него получалось ладно.

Собирался я раз на сенокосье, голову вздынул – тучки по небу летят. Иду мимо избы, где дядя Эйно жил, а с крыши стуканье раздается. А это дядя Эйно сидит возле трубы, тес меняет. Стукнет эдак по доске топором и кричит:

—Слушай!

—Ну и что?

—Слушай, – топором ударил опять, – лес шумит.

—Что шумит?

—Лес шумит. Можешь косить полторы недели смело.

Весной тоже было. Солнышко светит, тепель с утра. Иду улицей, навстречу дядя Эйно. Шагает в сапогах, а валенки подмышкой. Спрашиваю:

—А валенки-то зачем?

—О валенках вечером поговорим.

С обеда небо затянуло. Снежны белы мухи налетели. Под вечер – мороз. Людям зябко. Бегут по улицам, друг дружку погоняют. Один дядя Эйно, как король, в валенках ступает.

А по первому льду дядя Эйно провалился: в сугемках пытался губу пройти. Не растерялся, смекнул подол своей шубенки набросить на край полыньи. А тут и людишки с наволока набежали, вызволили из студеной воды.

Бывало, запоет по-фински какой-ни вальс, а Фенька Омелина вокруг уж в танце кружится. Он ее все своей невестой звал. А невесте-то тринадцать лет!

Когда его увозили на дровнях с уполномоченным, то Фенька долго бежала вслед: видать, поняла, что боле финна не увидит.

БАБУШКА ЕВДОТЯ

Наша Конда досюль большой деревенкой была. В три рядочка избы пялились о край Онего. Онегушко – озеро шумное, неприветное, особливо по осени. Звали озеро морем. Ведь что чудно: на полях камендливых росли у нас и рожь, и ячмень. Но ежели хлеб побивало холодом, то ладились в море за рыбой. Промеж были в Конды и ремесленны люди, спорые на разню рукоделье: столяры, плотники, краснодеревцы да портные. Мы, ребятишки, собирали ягоды, волнухи, а кто постарше помогали взрослым. Бывало, набегаем за день, устанем, просим бабушку нашу Евдотью сказками да былицами потешить на ночь. Бабушка передника край тормошит, а нам сказывает:

— Николай Ефимович, мой суженый, долго за мной ухаживал. Кавалером слыл галантным да и человеком не гордым. Когда перед Троицей обнову мни с города привез – отрез ситцевый, то уж тут не устояла, сдалась. Сватам не довелось родичей долго уговаривать, а тама вскорости и свадебку сыграли. Свадебничали, помню, под зиму – снег уж кругом лежал. Нас с женихом на перву ночь на вышку спать прогнали. Кинул свекор вслед одевальницу: мол, спите в ней. В эдаком овчинном мешке и протешились ночь. Ведь примета была такая: ежели молодые в одевальнице одолеют холод, то и впредь дружно жить станут.

В мужнин дом я ведь пришла не с одной котомкой – коровенку за собой привела. Признаться, мало по-досюльному пожить пришлось. В концы двадцатых объявилась у нас коммуна, а затым и колхоз. Мой мужик недолго сумерничал – подрядился в Любосельгу плотничать. Ну, а я по дому крутилась. Детей народилось у меня восьмеро. Семья не маленька – знай, поворачивайся. С утра к скотины бегаю, каляшничая, а на хлеб, как говорится, едоков найдется. Калитки пекла, то кряду два сканца скала – не каждая хозяйка умела.

Раз, помню, мужик с подряда вернулся да байками меня тешит:

– Евдотья, куды у нас этто все деваается? Блином и я масла не тыкивал, простокиши я ложкой не хлебывал. Куды у нас все проходит?!

Я в ответ говорю:

– А бытто ты не тыкивал, бытто ты не хлебывал?

– Не помню.

О то время из сеней стучат. Дверь роспахнется, входит Иван Петрович, председатель колхоза. Заместо приветных слов кричит в мою сторону:

– Евдотья, с утра рано справляйся к Гахкозеру на покос! Тут мой Николай не сдержался, с

ехидцей эдак баэт:

– А я, председатель, ведь не колхоз в жоны брал!

...Мы засыпаем. Бабушка кого-то из нас погладит, на иконы крестится. Прошепчет перед уходом:

–А вой, бывальщину разну помню, а что ноне творится — тут же забываю. Носки-то ребячьи в печурки аще не убраны!

ЗАОНЕЖСКИЙ СЛОВНИК

Б

бажёный - милый, любимый
байна – баня
баской – красивый
бобка – игрушка
болёма – увалень
буде - если; когда

В

веньгать - нить, плакать
вергой – леший
верукса – лгун
войдать – мазать
волынки - глаза

Г

гуня - верхняя одежда

Д

душегрея - нагрудная женская одежда
душник - отверстие в печи
для трубы самовара

Е

ердань - крещенская прорубь

Ж

жганица – пожога
жизлик - ящерица

З

загубина – небольшой
залив загожка – кукушка
заямерить – стемнеть
зловутный - словутный, знатный
зорить – смотреть
зыбка – колыбель

К

кабойдать - идти медленно
казак - наемный работник
казокаться - упираться, задираться
калайдукса - звон, грохот
калежить - ловить рыбу прибрежным неводом
каляшничать - кухарничать
камендливый - каменистый
капсить - семенить
кара - низкая посуда
кетовина - лесная поляна на пожоге

Н

налим - житель Шалы и Пудожья
нюгайдать - говорить в нос
нюнька - крестная мать

О

оббаять – оговорить
облек - сани грубой работы
оммануть – обмануть
оногдась - недавно отсюль - отсюда

П

пабедье – полдник
полесовщик – охотник
полоумкя – недоумок
понакнуться – направиться
потте – идите
пялиться - подниматься

Р

рёхкать – рычать
ружий - красный, здоровый
рюгайданье – рычание
рибанье - тряпье рваное

С

салма-полынья, пролив
своитель -родственник
сгоузнуть – соскользнуть

сема (чома) чудо – возглас удивления
слейкивать - развеяться
слуда - стекло оконное
сойма - судно двухмачтовое
спатьлег - время сна
стенъ - тень
стяг – шест
судимщина - чужая сторона

Т

тайбола - волок, лес на волоке
торок - порыв ветра на озере

У

кехтанье - желание, стремление
кирзовица - щурёнок
клай - клади
кобениться - вредничать
кобра - горсть, пясть
кокора - передняя и задняя часть лодки (из
корня)
коукать - колотить, ударять
крокаль - зуб
кужонка - туес берестяной плетёный
кярйдать — кряхтеть

Л

лайба - судно, корабль
лайбак - торговец (не местный)
либайдать – трястись
линда - жидкая похлёбка
лифкать - качаться, колебаться
лозгом - много, полно лони - в прошлом
(году)
лубанда - двойной лёд
луда - подводный камень, отмель ляй - гляди,
смотри

удновать - спать, дремать
удовец - вдовец

Ф

фатера - квартира, комната
фурскнуть - брызнуть, подуть

Х

хазь – щеголь
хухар - мельник